

ДИЛЕММЫ ЭМБАРГО ПОЧЕМУ НЕИЗБЕЖНЫ И К ЧЕМУ ПРИВЕДУТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

СЕРГЕЙ ВАКУЛЕНКО

Независимый аналитик, консультант ряда российских и международных глобальных компаний по нефтяным и газовым рынкам, специализирующийся на планировании и сценарном прогнозировании развития отрасли.

Западные страны напряженно ищут пути организации нефтегазового эмбарго против России. Однако, помимо отсутствия реального согласия даже в отношении нефтяного эмбарго, в целом ответ на вопрос, как лишить Россию доходов от нефтегазового экспорта, совершенно не очевиден. Здесь недостаточно просто «политической воли», как многим кажется. Последствия эмбарго, действительно исключающего российские нефть и газ с глобальных рынков, будут поистине непредсказуемы и крайне драматичны.

Более того, сознавая неизбежность энергетических санкций, Кремль может превентивно выбрать наиболее кризисные для Запада и мира стратегии ведения энергетической войны. Собственно, он уже приступил к перестройке правил, по которым работают энергетические рынки. Таким образом, речь сегодня идет не столько о выборе способа «наказать Россию», сколько о подготовке к вероятной торговой энергетической войне, которая, скорее всего, предстоит миру, в которой у России есть на руках свои козыри и острая фаза которой может прийтись на осень этого года.

Исход этой войны будет иметь огромное влияние на развитие событий в Украине. Однако в долгосрочной перспективе ее главным итогом может стать резкое приближение сроков энергетического перехода. И когда конфликт с Украиной закончится или затихнет, а Россия начнет выходить из изоляции, она обнаружит, что что конец эры углеводородной энергетики гораздо ближе, чем казалось раньше.

Через три месяца после начала российско-украинской войны Евросоюз наконец смог согласовать введение эмбарго на поставки российской нефти и нефтепродуктов. О газе пока речь не идет, и, судя по тому, насколько трудно шли переговоры об эмбарго на нефть, введение Евросоюзом эмбарго на газ по своей воле пока маловероятно. Первые призывы о введении такого эмбарго появились уже в начале марта, причем тогда предполагалось, что быстрое введение эмбарго способно остановить военные действия. Сегодня все более очевидно, что военный конфликт становится затяжным, да и надежд на изменение политического курса России в ближайшее время нет. Поэтому фокус мер по воздействию на Россию смещается от попыток повлиять на нее здесь и сейчас к долгосрочному сдерживанию и ослаблению России при максимальном снижении зависимости Европы от России. В результате эмбарго прорабатывается и вводится не как острая и временная мера, но, с одной стороны, постепенно, а с другой — «всерьез и надолго».

В определенной степени эмбарго кодифицирует уже сложившуюся в результате добровольных бойкотов российской нефти ситуацию «на земле». По данным Международного энергетического агентства, до начала конфликта Россия экспортировала в Европу около 3,1 млн баррелей нефти и 1,3 млн баррелей нефтепродуктов (в основном дизельного топлива) в сутки. Уже в марте поставки в Европу сократились на 400 тыс. баррелей в день, а в Индию и Китай — выросли практически на такой же объем. В апреле и мае эта тенденция стала усиливаться, но общая добыча российской нефти упала не очень значительно, примерно на 10%, и стабилизировалась на этом уровне. Россия (как и ЕС) несет дополнительные издержки, связанные с необходимостью перевода товара на другие, удаленные рынки и ослаблением переговорной позиции, но пока они совсем не катастрофичны.

Уже говорилось, что в пакет санкций могут войти меры, направленные на усложнение морской логистики российской нефти, — запрет европейским компаниям участвовать в страховании нефтяных грузов из России, запрет танкерам под европейским флагом перевозить нефть российского происхождения. Если эти меры окажутся действенными, то, возможно, нефтяной экспорт из России получится значительно ограничить, что создаст новую реальность на международном энергетическом рынке.

Понятно, почему нефть и газ стали предметом призывов к максимально тяжелому для России эмбарго, но практически по этим же причинам введение такого эмбарго, особенно реально действенного, а не демонстративного, настолько тяжело дается основному торговому партнеру России.

Именно нефть и газ составляли львиную долю экспортной выручки и доходов российского бюджета в последние два десятилетия. Они лежали в основе процветания, обеспечившего популярность правящего режима и в итоге карт-бланш на демонтаж демократии, а также средства для финансирования сил безопасности, мощной пропагандистской машины и перевооружения армии. В целом именно они позволили установить в России автократический режим и сделали возможной военную агрессию.

Россия — один из самых важных, если не самый важный игрок в мировой торговле энергоресурсами (см. табл. 1). При этом Россия является крупным игроком не на каком-то одном, а на всех рынках ископаемого топлива — и это важный момент. Во всех предыдущих крупных энергетических кризисах (1973, 1979–1980, 1991, в 2011-м после Фукусимы) сокращение предложения или всплеск спроса на один вид топлива частично компенсировались за счет других. Полномасштабное эмбарго на российские энергетические товары предполагает запрет всего российского экспорта энергоносителей. В то же время энергетика — чрезвычайно капиталоемкая отрасль, создание дополнительных мощностей требует многомиллиардных затрат, поэтому лишних, резервных мощностей по всей цепочке производства энергии в мире практически нет: мало кто может себе позволить инвестировать в простаивающие мощности.

Табл. 1. Доля России на глобальном энергетическом рынке

	Объемы экспорта	Доля российского экспорта в мировом потреблении, %	Доля российского экспорта в международной торговле, %
Нефть и нефтепродукты	5 + 2,5 млн баррелей в день (mbd)	8	17
Трубопроводный газ и СПГ	200 + 40 млрд м ³ в год (bcm)	6	20
Уголь	280 млн т	3,5	17

Обсуждаемое энергетическое эмбарго — это тяжелое решение и сложный механизм, в котором тесно переплетаются технические и экономические аспекты его реализации. И необходимо тщательно разобраться в этих переплетениях и проанализировать фактические последствия эмбарго для России, Европы и остального мира как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ЭМБАРГО: ДВА СЦЕНАРИЯ ДЛЯ НЕФТИ И ОДИН ДЛЯ ГАЗА

Что произойдет, если Европа захочет полностью отказаться от закупок российской нефти? Можно представить два предельных сценария.

В первом Европа закупает нефть других производителей, которые перенаправляют свои потоки продукции в Европу с других рынков, в основном азиатских. Россия при этом сохраняет производство нефти, но направляет теперь свои объемы не в Европу, а в Азию, замещая объемы, которые были перенаправлены отсюда в Европу на замещение российской

нефти. Технически это возможно — в мире достаточно танкеров, чтобы перевозить нефть из Персидского залива в Европу, а не в Китай и Индию, куда она поступает в настоящее время. Россия, вероятно, потеряет небольшую часть доходов на покрытие дополнительных транспортных расходов и будет вынуждена делать скидку азиатским покупателям, поскольку сможет продавать топливо только им. В то же время и Европа будет платить больше — дополнительные расходы на фрахт и премию арабским продавцам, которые могут выбирать между различными рынками. Короче говоря, произойдет перераспределение создаваемой стоимости в пользу владельцев танкеров, азиатских покупателей и арабских продавцов за счет России и Европы.

На практике Россия с некоторыми трудностями в этом сценарии все-таки столкнется — для его реализации понадобится перенаправить всю нефть, идущую по трубопроводу «Дружба», через порты Балтийского и Черного морей, мощности которых может для этого и не хватить, поэтому возможно незначительное сокращение объема экспорта. Но в целом Россия сохранит большую часть своих доходов от продажи нефти, и это, наверное, не тот результат, к которому стремится Европа.

Другой сценарий — если эмбарго будет аналогично иранскому и венесуэльскому, то есть будут созданы рычаги, чтобы заставить третьи страны, включая Китай и Индию, держаться подальше от российской нефти. Тогда российская нефть будет исключена из мирового энергобаланса. Это лишит Россию доходов в размере 0,5 млрд долларов в день (при нынешних объемах экспорта, ценах и скидках), а также вызовет беспрецедентный нефтяной кризис. Шок для мирового предложения будет в процентном отношении в два раза выше, чем во время энергетических кризисов 1973 и 1979–1981 годов. В 1973 году арабское эмбарго распространялось лишь на несколько стран и длилось всего несколько месяцев, к тому же и в 1973, и в 1979 году производство за пределами арабского мира росло и уже начался процесс замещения нефти в электрогенерации природным газом и ядерной энергией.

Существует несколько потенциальных источников восполнения российских объемов: нефть из хранилищ, незадействованные мощности в Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейте, снятие санкций с Венесуэлы и Ирана, увеличение сланцевой добычи в США. Но в целом мировые мощности по добыче достаточно ограничены в результате недостатка инвестиций, который был вызван сначала падением цен на нефть в 2014 году, разочарованием инвесторов в бизнес-модели американских сланцевых производителей, затем шоком весны 2020 года, связанным с пандемией, и, наконец, разговорами о декарбонизации и усиливающимися предположениями о закате нефтяной эры. По оценкам Агентства энергетической информации Министерства энергетики США, в 2022 году добыча США вырастет на 0,7 mbd, а в 2023-м всего на 0,25 mbd. Так что можно с уверенностью предположить, что в случае введения жесткого эмбарго на российские поставки мир будет испытывать нехватку нефти и нефтепродуктов в объеме 4–5 млн баррелей в сутки вначале и 2–3 млн баррелей через 6–12 месяцев. И это приведет к глобальному нефтяному кризису и росту цен.

Природный газ — это рынок, где Россия играет наиболее заметную роль для европейских покупателей. В отличие от СПГ, который может быть получен откуда угодно и отправлен куда угодно, трубопроводный газ, который составляет основную часть энергетической торговли между Европой и Россией, является специфическим товаром. Если Европа прекратит покупать его или Россия сократит его поставки в Европу, этот газ просто останется в земле и будет вычтен из мирового газового баланса. Китай получает российский газ из месторождений Восточной Сибири, не подключенных к системе газопроводов Россия–Европа, а российские заводы СПГ за очень небольшим исключением (среднетоннажные заводы СПГ на Балтике) также получают газ из других источников.

Степень зависимости от российского газа в Европе снижается с востока на запад. Бывшие социалистические страны и Германия в основном зависят от российских поставок, в то время как Франция, Италия, Испания и Португалия имеют несколько терминалов СПГ и трубопроводы из Алжира и Ливии. Страны с большой долей угля (как Польша) или атомной энергетики (как Франция) имеют меньшую долю газа в энергетическом балансе и будут более устойчивы в случае его нехватки.

Терминалы СПГ относительно недороги и имеют значительный эффект масштаба, поэтому их было построено достаточно много и их общая текущая загрузка составляет около 50%. С этой точки зрения Европа в целом, вероятно, могла бы покрыть свои потребности в импорте за счет СПГ, хотя с распределением этого газа внутри Европы могут возникнуть проблемы. В 2010-х годах Европа построила несколько соединительных трубопроводов, позволяющих доставлять газ с терминалов СПГ в Центральную Европу. В 2019 году, когда возникло беспокойство относительно перебоев в поставках из-за российско-украинского конфликта по поводу транзита газа, энергетическая комиссия ЕС провела моделирование, которое показало, что с помощью увеличения закупок СПГ и ускоренного отбора газа из хранилищ даже самые уязвимые европейские страны смогут продержаться несколько недель.

Но главный вопрос заключается в доступности СПГ и его физическом наличии на рынках. Поставки российского трубопроводного газа в Европу сейчас в 1,3 раза больше получаемых ей объемов СПГ и равны одной трети всего мирового предложения СПГ. И если увеличение добычи газа — относительно легко и быстро решаемая за счет дополнительного бурения проблема, то строительство завода по сжижению занимает несколько лет и требует многомиллиардных инвестиций. Существующие предприятия по производству СПГ работают на полную мощность, и до 2025 года не ожидается ввода в строй новых мощностей. Есть надежды на увеличение импорта трубопроводного газа из Норвегии и Азербайджана на 6–7 млрд кубометров, но это всего 1–1,5% европейского спроса. Короче говоря, у Европы нет легких способов заменить весь объем российского газа за счет альтернативных источников, и ей придется вести войну с другими покупателями газа за каждый дополнительный миллиард кубометров.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МИРА: ЦЕНОВОЙ ШОК, ГЛОБАЛЬНЫЙ ДЕФИЦИТ, РЕЦЕССИЯ, ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС

Эмбарго на российские нефть и газ приведет к существенному дефициту энергоресурсов. Этот дефицит будет глобальным, то есть не ограничится странами, наложившими эмбарго, и может быть устранен либо за счет дополнительных объемов энергоносителей из новых источников, либо за счет каких-то замещающих источников энергии, либо за счет сокращения спроса. Чтобы оценить экономическую стоимость такого сценария, необходимо рассмотреть все три аспекта и прикинуть, сколько это может стоить, каких вложений потребовать и как повлиять на цены на энергию и мировую экономику в целом.

В прошлом сжатие предложения на одном энергетическом рынке частично компенсировалось за счет других сегментов. Возможности межтопливного перехода ограничены, но существуют, особенно в электроэнергетике и промышленности. Когда летом 2021 года природный газ стал дорожать, некоторые газовые электростанции перешли на мазут, мазутные электростанции из резервных стали частью базового предложения, а загрузка угольных станций выросла. Кроме того, нефть и газ используются в качестве сырья для химической промышленности, и здесь также есть определенное пространство для маневра.

Однако в ситуации предполагаемого эмбарго дефицит будет наблюдаться во всех категориях, заставляя покупателей выбирать только из сложных и плохих вариантов. В результате цены вырастут до такой степени, что вызовут достаточное сокращение спроса и приведут его в равновесие с предложением. Вопрос в том, как будет развиваться этот процесс: что произойдет с глобальными цепочками поставок и ценами?

В настоящее время общие расходы на энергию составляют всего 5–6% от мирового ВВП, но в XIX веке расходы на энергетическую корзину составляли до 30% от их общего объема. Многие люди считают энергию дорогой, но на самом деле это довольно небольшая часть их бюджета. Мы живем в мире энергетического изобилия, и многие из наших повседневных удобств основаны на дешевой и вездесущей энергии. Повсюду стоят электромоторы, мы наслаждаемся смертью расстояний, продукты и покупки доставляются к нашей двери нажатием кнопки на экране, в рефрижераторах нам привозят свежие фрукты с другой стороны земного шара. Цена энергии — это не столько функция ее прямой полезности, сколько отражение стоимости ее производства *quantum satis*, в достаточном количестве. Часть экономической ренты (разницы между себестоимостью производства и ценностью энергии для людей) улавливается картелями производителей, такими как ОПЕК, часть — правительствами с помощью энергетических налогов, но в основном она достается потребителям.

Как потребители оценивают такие базовые вещи, как свет, тепло и транспорт, по сравнению, скажем, с едой или одеждой и насколько

готовы отказаться от второго в обмен на первое? В 1973 году внезапное сокращение поставок нефти на 5% привело к трехкратному росту цен, которые остались примерно на том же уровне и после окончания шока предложения. С помощью этого шока члены ОПЕК выяснили, что обладают достаточной силой на рынке, и узнали, какова истинная полезность нефти для потребителей, сколько они готовы платить за нее, и впредь стали назначать цены соответственно. Во время COVID-локдаунов эта полезность существенно снизилась, и мы видели цены в районе 20 долларов за баррель. Из-за других шоков предложения (1979, 1990) цены на нефть на некоторое время удваивались. Сокращение объемов поставок газа на европейские рынки на несколько процентов в 2021 году привело к почти десятикратному росту цен на газ в Европе. Эти события дают определенное представление о том, куда могут пойти цены, но лишь отчасти — надвигающийся кризис может выйти за границы, где простая экстраполяция имеет смысл.

В различных циркулирующих сейчас прогнозах энергетических исследовательских центров и инвестиционных банков упоминается возможный диапазон цен на нефть в 180–250 долларов за баррель в случае значительного (но не полного) сокращения экспорта российской нефти и без учета перекрестных эффектов на рынках газа и угля. Попыток прогнозирования цен на газ было не много, поскольку основу европейского газового рынка составляли гарантированные объемы по долгосрочным российским контрактам с их формульным ценообразованием, основанным на усредненной цене на нефть за несколько месяцев, и никто не задумывался и не моделировал, что произойдет с рынком в отсутствие этого стабилизатора.

Некоторые экономические последствия эмбарго достаточно ясны. Цены существенно вырастут, в результате многие энергоемкие отрасли промышленности будут вынуждены временно прекратить работу — например, производители удобрений, стали, бетона, стекольные и химические заводы. Но, скорее всего, и этого будет недостаточно, и потребуются определенные меры по введению норм потребления, в том числе и в жилом секторе.

Все предыдущие потрясения, связанные с ценами на нефть и ее доступностью, начиная с 1973 года предшествовали рецессиям, и было бы разумно ожидать ее и в результате нового энергетического кризиса. Что еще хуже, дефицит энергоносителей и рост цен, скорее всего, будут глобальными, поэтому можно ожидать остановки энергоемких производств в мировом масштабе, пока не установятся новые уровни цен и спроса на их продукцию. Транспортные перевозки станут намного дороже, что еще больше нарушит глобальные цепочки поставок.

Производство продуктов питания может оказаться одним из наиболее пострадавших секторов. Современная цепочка этого производства чрезвычайно энергозависима, основана на широком использовании машин, электроэнергии для теплиц, холодильного оборудования и транспорта, а также на использовании большого количества удобрений, производимых из природного газа.

Цены на удобрения уже выросли в четыре раза после дефицита газа 2021 года, что, вероятно, приведет к сокращению их использования и уменьшению урожая. Ожидается дефицит зерна и растительного масла из-за сокращения экспорта с Украины и из России, которые являются основными игроками на этих рынках. В свою очередь, дефицит продовольствия может стать причиной серьезных социальных последствий в развивающихся странах. Например, сокращение экспорта российского зерна после засухи 2010 года вызвало рост цен на пшеницу и муку в арабских странах, что считалось основным толчком к революциям «арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭМБАРГО ДЛЯ РОССИИ

На первый взгляд, энергетические санкции будут разрушительными для российской экономики и лишат ее ресурсов, необходимых для ведения военных действий. Но так ли это?

Действительно, экспорт энергоносителей составляет до 75% российской валютной выручки, при этом большая часть остальной выручки приходится на экспорт энергоемких товаров (металлы и удобрения). После эмбарго Россия, вероятно, сохранит хотя бы часть экспорта углеводородов, перенаправляя их в Азию. Трубопроводный экспорт нефти в Китай (1 млн баррелей в день), как представляется, практически невозможно нарушить, равно как и экспорт газа в Китай по трубопроводу из Восточной Сибири мощностью 38 млрд кубометров. Разумно предположить, что России удастся экспортировать еще как минимум 1,5 млн баррелей в день из своих морских портов, сократив таким образом экспорт нефти и нефтепродуктов на 70% по сравнению с довоенным уровнем. Также можно предположить, что Россия продолжит экспортировать не менее 30 млрд кубометров СПГ (по сравнению с нынешними 40 млрд) с Крайнего Севера и Сахалина, половину своего нынешнего экспорта угля, который в настоящее время идет в Китай, и, по крайней мере, часть экспорта металлов и удобрений.

При таком сценарии в краткосрочной перспективе (до 18 месяцев, пока не произойдет корректировка спроса и предложения) при значительно сократившихся объемах продаж российские валютные поступления могут остаться на прежнем уровне за счет существенного роста цен, даже если западным державам удастся установить жесткий режим эмбарго с контролем за переводом средств и со значительными скидками к ценам. Большая часть этой торговли пойдет в Китай, а доходы будут использованы для расчетов с Китаем за его товары. Эти операции могут перейти на юани и избежать любого контроля со стороны тех, кто следит за соблюдением эмбарго.

Более того, сами военные действия в настоящее время не зависят от импортных товаров, поэтому количество твердой валюты, которое Россия получает, практически не имеет значения. Возможно, позже России понадобится твердая валюта для покупки высокотехнологичного обо-

рудования для восстановления своего арсенала, но пока она использует имеющиеся запасы военной техники, топлива, продовольствия и других армейских товаров.

В теории сокращение нефтяного экспорта должно привести и к окончанию эпохи потребительского благополучия, купленного за нефтяную выручку. В течение многих лет Россия имела профицит бюджета, а теперь, при сокращении нефтяных доходов, ей придется справляться с дефицитом. То есть либо сокращать государственные расходы, что приведет к безработице, либо печатать деньги, что приведет к инфляции. И то и другое вызовет недовольство среди сегодняшних сторонников режима — пенсионеров, госслужащих, учителей, сотрудников крупных компаний с государственными заказами, а также силовых структур (полиции, ФСБ, Росгвардии и армии).

Но и здесь мы сталкиваемся с определенным парадоксом. В России уже существует дисбаланс между количеством товаров и услуг и количеством денег в обращении, но он вызван эмбарго на импорт и бойкотами. Не имеет значения, сколько иностранной валюты зарабатывает страна, если она не может конвертировать ее в товары для своего потребления. Твердая валюта не имеет ценности для людей, которые не могут потратить ее в турпоездке за границей или на Aliexpress, и она ничего не стоит для (бывших) импортеров, которые отрезаны от своих поставщиков. Получается, что для экономической автаркии ценность экспорта выглядит не такой высокой. (Этот феномен объясняет и укрепление рубля, несмотря на сильную инфляцию.) Некоторое количество валюты будет необходимо для торговли с Китаем, который может служить каналом для недоступных иностранных товаров, но этот канал, скорее всего, будет ограниченным по мощности.

Хотя ухудшение состояния экономики и вызванное этим недовольство могут стать проблемой для режима, отсутствие или наличие иностранных доходов без возможности конвертировать их в поток импорта не может быть инструментом для ее решения. Вероятно, правительство предпочтет поддерживать на должном уровне пропаганду и силы безопасности (ресурсов для чего все еще будет достаточно) и использовать их для подавления протестов и беспорядков, вызванных падением уровня жизни.

Даже после замораживания части активов ЦБ у России все еще есть доступные иностранные резервы, равные по крайней мере двум годам довоенного импорта, и, как было показано выше, она все еще сможет зарабатывать сотни миллиардов долларов (или, более вероятно, юаней) в год даже в случае сокращения экспорта, если оно приведет к шоку предложения и росту цен. Эта логика будет действовать для России до тех пор, пока миру не удастся заменить российский энергетический экспорт сочетанием альтернатив и мер по адаптации, что займет несколько лет. Когда это произойдет, полезность международной торговли для России возрастет, а доступность твердой валюты снизится. По идее, понимание таких перспектив должно влиять на сегодняшние поступки, рациональный государственный деятель должен просчитывать свои действия на такое недалекое будущее, но действия г-на Путина были какими угодно,

но не рациональными и в более широком масштабе, так что и здесь не стоит надеяться на долгосрочную рациональность.

Можно предполагать, что российское руководство готово пойти на очень большие потери в настоящий момент в надежде на создание какого-то другого миропорядка, с другими функциями полезности и какими-то грандиозными предполагаемыми выгодами для России. А это означает, что энергетическое эмбарго может иметь очень низкую ценность для принуждения к прекращению войны сейчас, довольно ограниченную ценность для сдерживания в ближайшие пару лет и, вероятно, существенную ценность наказания и сдерживания в долгосрочной перспективе.

КАК МОЖЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ ТОРГОВАЯ ВОЙНА ЗА ЭНЕРГОНОСИТЕЛИ?

Итак, эмбарго будет крайне болезненной мерой для Европы, поэтому сегодня мы наблюдаем попытки придумать механизмы, которые, с одной стороны, лишат Россию доходов от экспорта энергоносителей, а с другой — не создадут кризиса мирового масштаба. Этого можно достичь, только удерживая каким-то образом российские объемы энергетических товаров в мировом энергетическом балансе, но лишив ее при этом значительной части дохода от них.

Как уже говорилось, успех эмбарго будет зависеть от того, удастся ли убедить Китай и Индию присоединиться к нему. Но в условиях дефицита энергоносителей соблазн дешевой энергии из России может оказаться сильнее, чем страх перед гневом Запада. Возможно, самым простым способом ограничить доходы России было бы позволить ей торговать только с Китаем, надеясь, что китайская монополия приведет цену к предельным издержкам производства и оставит Россию почти без ресурсной ренты. В этом случае удар по западным покупателям будет слабее, поскольку Китай не будет конкурировать за поставки из остального мира. Однако такая политика создаст огромное преимущество для Китая, усилит его конкурентные позиции в мировой экономике и укрепит российско-китайский альянс. Учитывая, что всего шесть месяцев назад главной заботой Запада были растущие амбиции Китая, это также будет сложным политическим выбором.

В принципе, существует множество схем, позволяющих оставить часть энергетических доходов России под контролем Запада и перенаправить их затем Украине в качестве репараций: это эскроу-счета, тарифы и тому подобные инструменты. Сторонники таких мер полагают, что Россия столь отчаянно нуждается в доходах, что согласится даже на довольно низкие платежи с ограничениями на использование средств, то есть что Россия — рациональный игрок, который предпочтет получить небольшую прибыль, чем вообще никакой. На мой взгляд, ни одно из этих предположений не верно. Россия не находится в отчаянном положении, по крайней мере пока, и она умеет играть в игры с отрицательной суммой, если это вредит ее противнику больше, чем ей самой.

Поэтому нельзя исключать сценария, при котором Россия сама ускорит эти события. Пока ответ России на беспрецедентную санкционную кампанию против нее был довольно ограниченным: не было никаких существенных активов, которые она могла бы заморозить в качестве ответных мер. Единственная область, где Россия может нанести Западу существенный экономический ущерб, — это торговля энергоносителями, и мы, вполне вероятно, еще увидим сражения, инициированные ей на этом фронте.

Сейчас Запад охотно покупает российские энергоносители и даже готов платить за них в долларах и евро, но ограничивает возможности России по обмену их на необходимые ей товары. России не нужны деньги как таковые — они нужны только как средство обмена на что-то полезное, и российское правительство уже осознало, что эта торговля несколько однобока. Пока Россия пытается перевести торговлю энергоносителями на свою территорию, и схема «газ за рубли» — первый залп в этом сражении. Еврокомиссия уже вынуждена идти на уступки, сначала отвергнув, но затем приняв эту схему. На первый взгляд, это не так уж и много, ведь западные покупатели по-прежнему будут платить в евро, хотя и через посредника, и по счету, находящемуся в России, а не в Люксембурге. Но этот эпизод — не курьез, а стратегия: Россия хочет заставить торговых партнеров оказаться в ситуации, когда им придется нарушить санкции и правила ЕС, если они хотят продолжать получать российские энергетические товары. Цель России — устанавливать собственные правила торговли нефтью и газом, а не просто соблюдать все более ограничительные правила ЕС.

Скорее всего, на этом дело не остановится, и как только западные покупатели в принципе согласятся на торговлю газом за рубли, схема может измениться еще больше, так что покупателю придется получать рубли без автоматической помощи «Газпромбанка». Можно даже предположить, что Россия попытается создать отдельную валютную биржу, на которую будут поступать рубли, заработанные иностранными компаниями, ввозящими определенные категории товаров в Россию и продающими их за рубли, и покупатели энергоносителей должны будут покупать рубли там. Это был бы способ заставить иностранные компании выполнять работу по преодолению торговых барьеров и нарушению эмбарго за российское правительство.

Если Россия увидит достаточную решимость Европы в вопросе эмбарго, и такое развитие событий будет признано неизбежным, она может сама предпринять шаги в этом направлении, чтобы, по крайней мере, сделать процесс отказа от своего энергетического экспорта как можно более дорогостоящим и неудобным для Запада.

Россия уже прекращает поставки газа в Польшу и Болгарию за отказ соблюдать соглашение «газ за рубли». Конечно, поздняя весна — наименее эффективное время для начала газовой войны, поскольку это время наименьшего спроса на газ. Польша и Болгария не так уязвимы, как другие страны, у них есть альтернативные маршруты и источники поставок. В то же время, чтобы сделать зимнюю газовую войну макси-

мально эффективной и разрушительной, России нужно, чтобы у Европы было как можно меньше газа в хранилищах. Поэтому уже этот шаг может оказаться подготовкой будущего удара.

Я убежден, что торговая война за энергоносители практически неизбежна, поскольку оба потенциальных противника, Россия и Европа, хотят ее и могут видеть в ней политическую и стратегическую ценность. И у различных ее участников есть еще много ходов в запасе. Так, например, внутри ЕС страны по-разному относятся к конфликту с Россией, когда дело доходит до такой дорогостоящей и болезненной меры, как энергетическое эмбарго. В то же время Польша и Болгария контролируют точки входа российских газопроводов в ЕС (линия «Ямал — Европа» мощностью 10 млрд кубометров, идущая в Германию, и линия мощностью 15 млрд кубометров, которая получает газ из «Турецкого потока» и поставляет его в Сербию, Венгрию и Австрию). Обе страны могут остановить эти маршруты, фактически вынудив нерешительных соседей присоединиться к эмбарго.

Для реализации нефтяного эмбарго будут предприняты усилия, чтобы лишить Россию возможности отправлять нефть в страны, которые его не поддерживают. Многие из них нам уже известны, поскольку применялись в отношении Ирана: угроза вторичных санкций в отношении потенциальных покупателей, контроль за денежными потоками, усилия по ограничению количества судов, доступных для этой торговли. Эмбарго может включать запрет на страхование морских судов, перевозящих российскую нефть и нефтепродукты, запрет на обслуживание и бункеровку судов и т.д. По дороге к азиатским потребителям российская нефть проходит через некоторые «бутылочные горлышки», в разной степени контролируемые ЕС и НАТО, такие как Датские проливы, и возможны случаи остановки, обыска и конфискации судов. Это вряд ли произойдет с судами под российским флагом, поскольку может привести к прямой вооруженной конфронтации, но может послужить сдерживающим фактором для танкеров под флагами Панамы или Либерии, а судам под греческим флагом законодательство ЕС может напрямую запретить обслуживать эту торговлю.

С другой стороны, будут предприниматься усилия убедить Саудовскую Аравию и ОПЕК в целом увеличить добычу нефти. Результат их неясен. С 2014 года Россия налаживала отношения с ОПЕК, ОАЭ и Саудовской Аравией, и, несмотря на размолвку в 2020 году, они улучшались и укреплялись. ОАЭ служили безопасной гаванью для российских денег, частных самолетов и роскошных яхт, покидающих США, ЕС и Великобританию. В то же время давние саудовско-американские особые отношения ухудшились: экономическая взаимозависимость уменьшилась, поскольку США стали страной-экспортером нефти, а политическая напряженность усилилась после дела Хашогги и начинающихся судов по искам за ущерб после терактов 9/11, в которых тоже обвиняют Саудовскую Аравию. Впрочем, ОПЕК может принять решение о некотором увеличении добычи по другой причине — для предотвращения крупного экономического кризиса, разрушения спроса, а также для сдерживания потенциальной конкуренции, поскольку период слишком высоких

цен будет стимулировать дополнительные инвестиции в добычу нефти за пределами ОПЕК и приведет к будущему перенасыщению, как это произошло в 2010–2014 годах.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ

Торговая война за энергоносители в краткосрочной перспективе может создать большие трудности для всего мира — кризис обещает быть самым масштабным в истории, затмевая кризисы 1973, 1979 и 1991 годов, каждый из которых привел к глубокой глобальной рецессии. Он будет сопровождаться кризисом стоимости и доступности продовольствия, который почти наверняка создаст социально-политические проблемы в развивающихся странах, ведущие к новым войнам, революциям и волнам беженцев.

В то же время в краткосрочной перспективе Россия почти не почувствует значительного эффекта от сокращения объемов торговли энергоносителями и, возможно, даже продолжит получать сопоставимые доходы, которые, однако, будет трудно потратить. У России будет достаточно ресурсов для продолжения войны на Украине, и их резкое сокращение не станет решающим фактором для прекращения военных действий.

Однако в долгосрочной перспективе существующие и новые санкции, эмбарго и бойкоты лишат Россию важных технологий, запчастей, промежуточных товаров и сырья, приведут к каскадному дефициту, простою современного оборудования и возврату к старым практикам и технологиям во многих сферах жизни, поскольку поддерживать их функционирование можно будет только с помощью материалов и оборудования местного производства.

Параллельно с этим стратегия энергетического перехода, которая в последние пару лет наделала много шума, получит в ходе этой торговой войны новый мощный импульс. С одной стороны, программа декарбонизации отойдет на второй план, так как каждый источник энергии будет на счету, а отказ от угля станет недоступной роскошью. С другой стороны, энергетическая безопасность станет важнейшей темой, а альтернативные источники энергии, включая ветер и солнце, получат мощную поддержку как за счет рыночных стимулов (поскольку цены на энергию будут расти), так и за счет государственной поддержки. Еврокомиссия уже объявила о соответствующей масштабной программе. Ядерная энергия также станет более популярной, но в настоящее время в этой области доминируют китайские и российские игроки, и будет ли этот импульс достаточно сильным, чтобы реанимировать почти заброшенную западную отрасль строительства атомных электростанций, еще предстоит узнать. Но в целом теперь мы можем быть более уверены в том, что эра ископаемых видов энергии подходит к концу, а предстоящие события могут ускорить ее закат на десятилетие или около того.

Игроки рынков традиционной энергетики также стоят в связи с этим перед сложным выбором. Общество, рынки и власти отговаривали их от новых инвестиций в ископаемое топливо в течение по крайней мере последних пяти лет. И некоторые мощности по разработке проектов, возможно, уже утрачены. Это стареющие отрасли, малопривлекательные для молодых талантов, а имеющиеся кадры уходят в другие сферы. Однако теперь раздается мощный призыв к дополнительным поставкам энергии взамен российской и к новым разработкам.

В то же время очевидно, что согласованное движение в сторону энергетического перехода в перспективе обесценит по крайней мере часть новых инвестиций, и это понимание будет препятствовать принятию инвестиционных решений и созданию новых мощностей взамен российских. Правительствам, возможно, придется придумать схемы, которые гарантируют достойную отдачу от них, или создать механизмы выкупа и вывода из эксплуатации мощностей, созданных в условиях чрезвычайного положения торговой войны. Для мира в целом это создаст ненужные расходы в размере сотен миллиардов долларов, и это еще одна часть расходов на войну.

По иронии судьбы мы имеем дело с еще одной проблемой, которую Россия сама создала себе, вступив в эту войну. Когда война закончится и Россия начнет выходить из изоляции, она обнаружит, что мир переходит к низкоуглеродной экономике гораздо быстрее, чем предполагалось еще несколько месяцев назад, а сам мир будет располагать значительными новыми газовыми, нефтяными и угольными мощностями, конкурирующими с российским энергетическим экспортом на рынках с резко приблизившейся датой закрытия.